

ЛИРИКА КАК НАПРАВЛЕННЫЙ ЛУЧ ВИДЕНИЯ
О двухтомнике Александра Ибрагимова «Космоязычие» (Кемерово, 2015)

Взаимоотношения человека и мира – субъект-субъектные отношения: я воспринимаю мир, но и мир меня как-то воспринимает. Здесь возникает вопрос: откуда же тогда смотрит то (тот), что (кто) смотрит? То есть пока мы не уходим в запредельную абстрактность, отношения остаются субъект-объектными: человек смотрит на мир.

Лирика есть субъективность видения.

Александра Ибрагимова чистая субъективность не устраивает: ему важна встреча со смыслом и причастность к этому смыслу, подлинно существующему. Субъективность кажется ему искажением вечного и прекрасного события смысла.

*... И бессмысленные букочки очередей человеческих на ощупь
Складываются в Слово,
Которое в Начале было.
Ведь никто в одиночку не выдержит взгляда звёзд.
Никто не выдержит...
И слово,
Вспыхнув из гортани... в молчании гаснет.
Илистья, с прожилками замыслов наших, срываются –
Ааай!
В оголённых ветвях тополей догорают широкоэкранные пламя заката...
И городская игла телевизшки
мерцает алыми каплями в созвездии Рыб...*

Человеческая общность оказывается искомой точкой зрения на отношения человека с миром, – мир же оказывается мирозданием, в котором любая вещь имеет своё законное место.

*... Ведь не знает Дерево ни Страх, ни Радости,
Ведь только знание Страх и Радости – человечно...*

И кто не знает Страх и Радости – есть Никто.

*Ибо грядёт Никто, и на поводке за ним лязгает железо,
Не знающее Матери и Отца, и нас хищно обнюхивает...*

*Да имеющий разум – понимает.
Да имеющий сердце – поможет.*

*Человек рождается дважды:
Один раз – в солнечном лоне мамы,
Второй раз – во чреве отчаяния своего...*

*Ведь по ту сторону Отчаяния – Радость.
Ведь по ту сторону Одиночества – Братство!*

Именно смыслы суть места встречи личного, социального и того, что личное превосходит, однако может наполнить его собой. – Кем они осмысляются? – Нами здесь и сейчас, – или не только нами – или не только здесь и сейчас? – Именно смыслы как место встречи человека с Богом – суть точки, задающие координатную сетку художественному миру Александра Ибрагимова.

Здесь принципиально значимо, что его художественному пространству мало быть просто художественным.

Оно претендует быть истинносущим.

Оно заявляет свои права на символическое вращение в истину.

В символе снимаются противоречия между субъектом и объектом: познающее «я» вбирает в себя энергию познаваемого смысла.

Мгновение переходит под знак вечности не потому только, что прекрасно (таковым делается в гармонии стиха), – но единственно потому, что действительно имело жизнь.

Мгновение имело место в жизни, и оно находит себе действительное место в смысле.

Потому так много имён и названий: всё и всех надо оставить, укоренить, задержать.

*... А сосна вспоминала-скрипела
и шептала уснувшему мне,
Что понять в генерале сумела
О великой недавней войне.*

*О погибшей семье в Ленинграде,
что в груди генерала жила.
О небесном Победном Параде
И растоптанных перьях орла.*

*Я лежал под сосной на кровати
и дотрагивался до коры,
А жена генерала в халате
Распахнулась от летней жары.
<... >
На его генеральскую плаху
она сбросила листик сквозной,
И тянула-срывала рубаху,
Как на раненом с передовой.
<... >
Он извергся огнём в её лоно,
как Георгий, копьём пронзил.*

*Вся спина генерала – икона –
Откровенье небесных сил.
<... >
Эту осень я здесь встречаю
и вокруг теремка брожу,
И встречаю, кого не чаю,
С генералом дружбу вожу.*

*Он стоит-молчит под рябиной
и глядит в кружевной огонь.
Генерал – без жены любимой
И небесно-золотых погон.*

*Гимнастёрка на нём простая
и бывалые галифе.
Только выправка – боевая
Да пилотка на голове!
<... >
Он листает войну бесстрашно,
вспоминает оскал атак.
Только я генерала старше –
Это странно, но это так.*

Всё, что отмечено полнотой бытия, находится вне сомнений. Иронической интонации нет, не будет, не может быть: неполносушее из этого мира исключено, для иронии нет предмета и повода.

Речь А. И. – категорически серьёзна, поскольку благоговееет перед жизнью, в которой является Бог.

Жизнь есть явление Божие, и любое отклонение от верности её правде будет кощунством.

И творцы, поэтом поименованные, объединяются для него верностью великой правде жизни.

*Братья по слову, за Божие Слово – ни шагу!
Рыжая брага из горла хрипит по образу.
В Слове живите, как птицы на дереве жизни,
Без укоризны к земной и небесной Отчизне.*

Для Ибрагимова художественный факт должен быть фактом, чтобы стать художественным. Им вводится презумпция подлинности. То есть этика и эстетика связываются принципиально: такова платформа этого мира, которому недостаточно эстетического слоя реальности. Связь с вечными смыслами им утверждается в каждой черте – поскольку случайные отсутствуют.

Мир, не допускающий момента иронии в отношении себя, желает быть единственным. Мне кажется, что такая позиция вырастает из советского времени с его серьёзной претензией на разрешение конфликта между злом и добром, на отрицание сущностного и вечного источника зла – хотя бы потому, что всякая вечная сущность игнорировалась в пользу времени и социальных ценностей.

Но такая позиция давала всё же единство.

И в ней была возможность жизни. Ей требовалось прорасти в область сакральных смыслов, чтобы не окаменеть в себе самой.

Именно такое вращение в смысл и происходит в поэзии Ибрагимова.

И крушение державы оказалось покушением на тот образ мира, который уже сложился – как единственно верный.

*Живу во времена двенадцати Иуд –
Растерзан мой народ под Беловежской Пущей.
Нас гонят сквозь Чечню, и бродит Страшный Суд,
И милует Господь за подвиг наш грядущий.*

В политическом катаклизме поэт видит работу сил вселенского характера. Он ищет действительных действующих лиц за куклами персонажей и находит: мировое зло правит бал.

*Чадыца ядерная плётка:
Чернобыль, Горбачёв в Рим,
Чечня, Крещенская чечётка,
Чуть выше – «Челленджера» дым.*

Борьба со злом так же органически присутствует в жизни, как символизм – в звуке.

Ибрагимов может просто вздохнуть и выдохнуть – Ай! – при встрече с великим целым смысла. Но если Имя этому Смыслу он знает, он его назовёт.

Он прямо называет Христа, когда Его присутствие чувствует.

Полносущее вечное начало есть Христос.

Это Он противостоит злу.

И потому поэт говорит о Нём и к Нему обращается.

Мир, в каждой черте которого Бог живёт и дышит: вот творческий мир Александра Ибрагимова. Светлый Бог и чёрное зло столкнулись, и человек – поэт – страдает.

И снова и снова – обращает взгляд к Светлому Смыслу Христа.

*... В тот год я ползал-закатывался в родимчике у порога,
Верецал, когда связывали пуповину.
Конечно, это был я.
Это был я, когда я услышал голос Отца-Бога
И Вселенная – враз –
Оказалась моя Семья.*

*Это был я, заглядевшийся с Журавлинского обрыва
На себя того,
Забравшегося туда, не зная куда.
И ожидающего себя блаженно и терпеливо
Рядом с Отцом,
Который Правее меня всегда.*

*Это был я, я всегда есть и непостижимо буду
В родной Вселенной
Семье умирать, изумляться и жить.
И я никого-никого, никогда-никогда не забуду,
Потому что блаженно
Всех узнавать и любить.*

Здесь – прямое слияние с целокупностью мира, исполненного любви (причём в частном смысле открывается общий – троп антиэмфазы, расширение смысла благодаря близлежащим словам и контексту самой прямо выраженной идеи).

Но всё ли в мироздании исполнено благом?

Лжец и отец лжи – пуст, то есть действует, но не живёт сущностно, значит ли это, что всё зло человеческой жизни – оно именно человеческое?

*... «Как много чистых души под колесом лазурным
Сгорают в пепел, в прах, а где, скажите, дым?»
Окно, поставленное косо,
Чуть выше –
Горная гряда Чукотки, отчётливо изъеденная синевой.
И чавкающие зелёные часы ползут на край стола,
Как тварь живая...*

Перед нами – я, видящее реку времени, впадающую в вечность; – чем только ни оборачивается та река! – Бездной космоса, – безграничностью степи, – глубиной истории, – памятью рода... – как ни назови, но эта река падает в яму смерти, если нет в той реке закона, который в ней самой и с нею не вполне совпадает, шире и как-то к ней наискосок.

В этой бесконечности должен быть какой-то закон; – путь поэта – в поисках имени этому закону.
За картиной природы – физикой – читается нечто «транс-», и оно враждебно.

*Из трёхлетнего детства я заглядывал в долину старости –
Там баба Оля и дед Андриан примеривали хрустальные глаза.
Я твёрдо знал, что все люди умирают, но дух радости
С другой стороны Весов утверждал, что умереть – нельзя!*

Хрустальные глаза – здесь опять же расширение смысла: остановившиеся – неживые – но и провидческие значения хрустала слышны.

То есть река времени течёт к смерти, если закон, ею правящий, с нею полностью (качественно) совпадает и – недобр.

Тогда бездна оборачивается – пустыней.

*Когда подумаю о смерти –
Сквозит пустыней от вещей...*

Зачем быть поэтом (называть всё и всех по имени) – художником (видеть и всем показывать красоту) – человеком (который рождён ребенком, знающим дух радости)? Если всё называть по имени, то окончательным именем всему окажется смерть, и никакой красоты она не даёт, потому что бездна смерти – простая яма.

Но тогда дух радости, счастье детства, влекущая любовь, – всё зачем? Всё – обман (потому что случайное всё – обман, мираж в пустыне)?

Против смерти – и даже не против, а просто помимо неё, через неё перешагивая (опять же существуя вместе с ней, но к ней наискосок, в иной плоскости) – может стоять только идеальное отрицание конечности: всеобщая связь.

*Я когда-нибудь умру? –
Не умру я никогда.
Просто я слезу утру
Облаком – и нет следа.*

Противостоящее бытовому здравому смыслу утверждение переходит в картинку-образ, читаемый в разбросе от уничтожения до утешения, – и вольно читателю решать.

Но не вольно будет дальше так поэту писать, когда он уже нашёл Имя, противостоящее холоду закона.

Ибрагимов с самого начала говорил о родстве и братстве, – теперь он сроднился со всею жизнью, выросшей на Земле – в тепле той любви, у которой есть имя.

*... В пресолнечном бору
Мы больше не умрём.*

*... Мы утром от зари
Проснёмся на Земле,*

*А полночью взлетим
До самых Божьих звёзд –
В пресолнечном бору
Родимых столько гнёзд!*

*В пресолнечном бору
Престол Отца отцов,
И гнезда звёзды вьют –
Птенцы Его птенцов!..*

Только если жизнь души говорит самую собой – не о себе только, но о том ещё, что не пропадёт никогда, – только тогда она имеет смысл.

Тогда имеет смысл быть поэтом, – и просто – быть.

И смысл этот – не «вне», а в самой душе и в предметах жизни.

Тогда бесконечность смотрит уже не бездной (ямой), а садом и лесом.

Не только душа человеческая по природе христианка: сама природа – христианка, поскольку живёт в любви Его. Поэт должен быть в ней, внутри неё, быть частью её плоти, чтобы не за неё это осознать, но чтобы им самим она это осознала.

*... В траве – пресолнечные лики
И кровь
Христовой земляники.*

*Здесь, в золотистой крошке хлеба, –
Иисус
И необъятность неба.*

*Здесь дух смолы и воскресенья,
Лучи и блики
Исцеленья.*

*... И в этот миг в бору сосновом
Исходит зяблик
Божьим словом.*

*... А в капле крови драгоценной –
Христос
И вся судьба Вселенной.*

*... Мой бор восторженно-соборный –
Как Слово Божие,
Просторный!*

И просветляются птицы и звери, которых любит человек. И они, любя человека, через эту любовь и Бога любят. И не поток времени, а поток любви несёт Вселенную. Не в яму смерти, а в бесконечность Бога.

*... Зверь наш любимый персидских кровей...
... на молитву с нами вставал
Так белоснежно ...*

Пусть один из связанных любовью осознает Смысл и Источник – тогда все любящие просветлятся.

Но ведь природа – храм Божий – чисто физически грязнится.

Но ведь разбита на части страна, которая родилась не случайно.

Откуда – зло?

Поэт ищет адреса.

Зло – чужеродно.

Образ заграницы двоятся: она – источник зла (заграничным оказался шум трактора, рушащего красоту), и она – удалённая, непривычная, «не своя» (персидский кот заграничных кровей). То есть самая эта граница идёт по любви: Иерусалим свой и близкий, потому что – через Христа – любим. (И персидский зверь был любимым и любящим...)

Родина и родное определяются любовью.

Вопрос об inferнальной природе зла остался открытым.

*Сверкает плоть в пространстве глаза,
Сверкает атомами звёзд –
Как иглами дикобраза
Щетинятся алмазы вёрст.*

*Всё драгоценно – всё сверкает:
Пылинки в окнах на просвет,
И мысль сверкающе сдвигает
И выгибает Божий свет.*

*Сверкание в глазах любимых:
Сверкает адский механизм,
И грозди ягод на рябинах
Снегирь отряхивает вниз.*

*Сверканье ангельских порывов,
Сверкает грех, сверкает плоть,
Сверкание нью-йоркских взрывов
Ещё не отменил Господь.*

*И оттого сверкают мысли
И раздирают небосвод,
И угрожающе нависли
Плоды сверкающих свобод!*

Он просто потеснен вопросом о противостоянии злу любовью (имеющей сквозь все цели – Цель, которая в круге мировой связи – Сама – Источник).

Видеть, воспринимать сущность мира – труд поэта. Опознать в ней Божественную составляющую – дело, взятое на себя поэтом Ибрагимовым. И более он не нуждается в вольности антиэмфазы (тропа, добавленного XX веком к шести имеющимся, по мнению М. Л. Гаспарова. Думаю, что экспансия слова, могущего иметь в завершённом высказывании принципиально широкий разброс понимания, связана с возросшей оценкой важности субъективного личного взгляда; – Пастернак вообще считал субъективность человеческую реальным, объективным приростом мирового смысла).

Ибрагимов теперь желает говорить просто и прямо о мировом законе, который благ; человеческая его субъективность – в чувстве; чувство же должно быть сообразно настоящему качеству предмета говорения.

*Учись писать, как есть –
Как есть, а не иначе.
... Ты что, пятёрку ждал?
На жизнь себя настрой-ка:
За всё, что написал, –
Космическая тройка!*

Не сверкая вовсе вольностью мысли – уверенно опираюсь на авторитет П. А. Флоренского, – я полагаю: дело здесь в сдвиге чувств. Поскольку Божественной энергией пронизан мир – в простых природных его вещах, – то кажется, что в самых этих вещах может быть налицо часть Первообраза (часть полноты его, кусочек). Эта часть – идеальна; но живую идею невозможно целиком и полностью собою обнять, не остановив (не умертвив). – Тогда пришлось бы сказать именно о попытке убить Бога, – каковые попытки, разумеется, делались, – но ведь не в нашем случае!

Если слово реально несёт в себе идею, то именно энергетически, – неполнота выражения («на тройку») говорит о том, что идея уловлена, но жива. Я полагаю, что абсолютно, в полноте, верного слова об Идее человеку сказать – несоразмерно.

Поэт при всей зоркости сердца и слухе на слово – человек.

И, если ориентироваться на критерии позднего Ибрагимова, – «пятёрка» принадлежит единственно Слову.

Поэзия Александра Ибрагимова осознаёт себя именно как поэтическое искусство, и именно в этом своём качестве поэтического искусства желает быть большим, чем искусство, – она желает быть причастной Слову. Здесь случай «сквозящего реализма» (по Даниилу Андрееву): когда поэтический образ вырастает из отношения слова к идеальной духовной сущности.

Вырастает – при условии, что внимание читателя направлено в ту же сторону. Это внимание может быть захвачено ритмом слова, – ритмика Ибрагимова проста, но это как раз способствует внутреннему самовозрастанию смысла в говорящем (а слушание есть внутреннее говорение). Всё дело в том, уловлен ли восприятием смысл, – дальше работает регулярность фразы, близкая дыханию. Здесь процесс, сходный (не «тождественный») с внушением: если картинка захватила, смысл имеет возможности во внимании зацепиться – прорасти – и возрасти.

*Прикосновение к бумаге – точка.
Взмахни рукой – и линия кривая,
И дерево нагое – до цветочка,
И тварь ползёт, воистину живая,
Безумная... Её терзают вихри,
И любит дождик, любит низкий лоб.
Лоб подними и слёзы эти вытри.
Они текут – и взрывает плод.
Вокруг тебя цветочек – это Лотос –
Его так Бог Вселюбящий назвал.
Пиши стихи, когда услышишь Голос,
И не стони, что слов не разобрал.*

Образ завязывается в пространстве идеи, ритмически нарисованной (схваченной) словом, вырастает из картинки; то есть он непременно себе требует идеи, живой и реальной (иначе останется декларацией, наложенной на описание). – Но такова вообще природа символа (отсылаю вновь к П. А. Флоренскому): он либо больше себя, либо его, в качестве собственно символа, нет.

Поэзия Александра Ибрагимова требует себе сочувствующего понимания – чтобы быть, поскольку желает быть больше себя самой, оставаясь в то же время собою: поэзией.

И всё сказанное верно, если

– без выхода в пространство идеи (когда всё объединяющая Идея – реальна, и реально всё собою пронизывает) – человек – просто комплекс ощущений и воспоминаний, погружённый в тело,

– если втягивающая в пространство идей ритмика реально уводит в течение смысла, через всё и во всё, – течение, слитно имеющее Цель и Исток.

*... Когда вернулся я в мой город,
Струился ветер тополиный,
Струился свет непостижимый,
И пух летел непобедимый
И слёзно залетал в глаза.*

*И слёзы застилали землю,
И слёзы застилали небо,
И мы рыдали безотчётно,
И звёзды трогали руками –
И ангелы, и дураки.*